

Исследование структуры личности мужчин, отбывающих срок наказания за насильственные преступления

Зайцева Д.В.

Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2517-9767>, e-mail: dashazaitseva.psy@gmail.com

Пушкина Т.П.

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (НГУ), г. Новосибирск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3289-6759>, e-mail: pushkina.nsk@gmail.com

Дорошева Е.А.

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (НГУ); Научно-исследовательский институт нейронаук и медицины (НИИ нейронаук и медицины), г. Новосибирск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9593-4345>, e-mail: elena.dorosheva@mail.ru

Магденко О.В.

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (НГУ), г. Новосибирск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8092-9722>, e-mail: olga_mag@academ.org

Исследование личности преступника выступает важной задачей не только в рамках современной криминальной психологии, но также и в ряде других наук: криминалистике, юриспруденции, социологии и др. Понимание особенностей личности преступника важно с точки зрения диагностики, формирования психокоррекционных мероприятий, создания превентивных мер. С точки зрения психологии в первую очередь вызывает интерес изучение глубинных аспектов личности, что позволяет выявить первопричины того, что поддается внешнему наблюдению — поведение, эмоциональные реакции. Таким образом, целью данной работы явилось исследование особенностей структуры личности лиц, совершивших тяжкие преступления. В качестве методологического основания данной работы выступает концепция Г. Аммона. Выборку составили 30 мужчин, осужденных за насильственные преступления (ст. 105, ст. 111, УК РФ: убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью), и 30 мужчин, не совершавших правонарушений. Полученные результаты говорят о том, что у лиц, совершивших насильственные преступления, нарушены как внешние ($p=0,000$), так и внутренние ($p=0,000$) границы личности; выявляются нарушения функционирования Self-системы (отражение целостности личности, ее психического единства).

Зайцева Д.В., Пушкина Т.П.,
Дорошева Е.А., Магденко О.В.
Исследование структуры личности мужчин, отбывающих
срок наказания за насильственные преступления
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 55–68.

Zaitseva D.V., Pushkina T.P.,
Dorosheva E.A., Magdenko O.V.
The Research of Personality Structure of Male
Prisoners Convicted for Violent Crimes
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 55–68.

Ключевые слова: личность преступника, границы личности, Self-система, структура личности, личностные особенности, идентичность, структура личности преступника, тяжкие преступления.

Для цитаты: Зайцева Д.В., Пушкина Т.П., Дорошева Е.А., Магденко О.В. Исследование структуры личности мужчин, отбывающих срок наказания за насильственные преступления [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 55–68. DOI:10.17759/psylaw.2022120205

The Research of Personality Structure of Male Prisoners Convicted for Violent Crimes

Daria V. Zaitseva

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2517-9767>, e-mail: dashazaitseva.psy@gmail.com

Tatiana P. Pushkina

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3289-6759>, e-mail: pushkina.nsk@gmail.com

Elena A. Dorosheva

Novosibirsk State University; Research Institute of Neuroscience and Medicine, Novosibirsk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9593-4345>, e-mail: elena.dorosheva@mail.ru

Olga V. Magdenko

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8092-9722>, e-mail: olga_mag@academ.org

The study of a criminal personality is a crucial task not only in the scope of criminal psychology of today but also for others: forensic sciences, jurisprudence, sociology, etc. Understanding the criminal personality's characteristics is important for diagnosis, designing of psycho-corrective measures, and development of preventive measures. For psychological research, it is interesting to study the deep aspects of personality, it can help to identify the main causes of what is amenable to external observation: one's behaviour, emotional reactions. Thus, the purpose of this work is to study the personality structure of people who have committed serious crimes. The theory of G. Ammon serves as the methodological basis. The sample: 30 men convicted of violent crimes (art. 105, art. 111 of the Criminal Code of the Russian Federation: murder and intentional infliction of grievous bodily harm, respectively) and 30 men who did not commit offences. The obtained results indicate that the perpetrators of violent crimes have both external ($p=0.000$) and internal ($p=0.000$) personality boundaries violated; the research revealed violations in the functioning of the Self-system (reflection of the integrity of the personality, its mental unity).

Keywords: personality of a criminal, personality boundaries, Self-system, personality structure, personality characteristics, identity, personality structure of a criminal, serious crimes.

For citation: Zaitseva D.V., Pushkina T.P., Dorosheva E.A., Magdenko O.V. The Research of Personality Structure of Male Prisoners Convicted for Violent Crimes. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 55–68. DOI:10.17759/psylaw.2022120205 (In Russ.).

Введение

Понятие «личность преступника» используется различными науками: в юриспруденции, криминологии, социологии, психологии, философии и др. Каждое из направлений рассматривает этот термин под определенным углом и ставит различные цели при исследовании тех или иных аспектов данного вопроса. Психологические исследования направлены, прежде всего, на описание личностных и мотивационных аспектов, особенностей познавательных процессов, взаимосвязи гендера и типа правонарушения и т. д.

Проблема исследования психологических аспектов личности преступника остается актуальной, в частности, из-за современной криминальной статистики в России и за рубежом [10; 20]. Другая сторона вопроса, которая требует все больше внимания, — рецидив преступлений. По данным статистики, число лиц, осужденных три и более раз продолжает возрастать с 2005 года [4; 12]. Анализ зарубежных порталов статистики и работ, направленных на решение проблемы повторного совершения преступлений, показывает актуальность данной темы в ряде европейских стран [16; 19; 23]. Решение сложившейся ситуации требует, в том числе, задействования психологических служб [3; 21; 25]. Кроме того, в зависимости от типа правонарушения мы сталкиваемся с разными личностными характеристиками, присущими тому или иному типу правонарушителя, что расширяет круг исследований, и, как следствие, адаптацию методов диагностики и коррекции [5; 15; 18; 22; 27].

Анализ русскоязычных теоретических работ показал, что основной массив данных был получен исследователями из сферы юридических наук, где упор делается на исследование мотивационной, эмоциональной, социальной и пр. сфер. Задачи психологического исследования должны быть направлены, в том числе, и на изучение более глубинных аспектов личности. Описываемые характеристики личности преступника, например, высокий уровень импульсивности, агрессивность, чрезмерная чувствительность и т. д., носят описательный характер, но не объясняют причин возникновения [2; 3]. Некоторые характеристики встречаются при описании лиц, совершивших как корыстные преступления, так и преступления против личности: слабый самоконтроль, импульсивность, низкая адаптивность. Исходя из этих данных, нельзя ответить на вопрос, почему одни преступники совершают кражи, а другие убийство. Также остается малоизученным вопрос взаимосвязи различных сфер личности преступника: эмоциональной, интеллектуальной, волевой.

Другой аспект, который важно осветить в данном контексте, — теоретическое обоснование исследований. К сожалению, практически отсутствуют российские эмпирические исследования с опорой на существующие психологические теории личности, основной массив полученных данных носит скорее прикладной характер.

Исходя из теоретического анализа проблемы психологических аспектов преступности, было решено провести исследование, направленное на изучение «ядра личности» людей, совершивших преступление. Изучение глубинных аспектов личности позволяет выявить первопричины того, что поддается наблюдению — поведения, эмоциональных реакций. Все, что доступно внешнему наблюдателю, — следствие определенных структурных особенностей личности, поэтому исследование ее ядерных компонентов может позволить объяснить те или

иные реакции и, как следствие, составить план работы для коррекционных работ и превентивных мер.

Таким образом, целью работы явилось исследование структуры личности лиц, совершивших насильственные преступления, в сравнении с личностями лиц, соблюдающих законы.

Решались следующие задачи.

- сравнить развитие гуманфункций у мужчин, осужденных за насильственные преступления, и мужчин, не нарушающих законы;
- сравнить типы реагирования на фрустрацию у мужчин, осужденных за насильственные преступления, и мужчин, не нарушающих законы;
- выявить особенности функционирования Self-системы у мужчин, осужденных за насильственные преступления, в сравнении с мужчинами, не нарушающими законы.

Теоретической основой данного исследования выступает психодинамический подход Г. Аммона. Гуманструктуральная концепция личности Г. Аммона была сформирована в рамках психоанализа, но в отличие от классического психоанализа максимально интегрирует различные аспекты понимания сущности человека.

Структура личности, согласно Г. Аммону, представляет собой взаимосвязь первичных, вторичных и центральных Я-функций [1].

- Первичные — объединяют биологические и нейрофизиологические функции человека.
- Вторичные — это поведенческая и сознательная деятельность человека.
- Центральные бессознательные — формируют ядро личности (агрессия, креативность, сексуальность, нарциссизм, тревога, способность самоотграничения).

Для развития Я-функций большую роль играет первичная группа, которая сама способна без страха преодолевать конфликты. Так как психические структуры развиваются на основе приобретенного опыта, окружающая ребенка или взрослого человека группа должна создавать условия для процессов обучения и изменения.

Объединяющей силой всех гуманфункций выступает идентичность, ее задача — динамизировать, интегрировать и соединить гуманфункции друг с другом. В целом, она составляет личность человека. С точки зрения динамической психиатрии, идентичность находится в постоянном развитии. Формы проявления идентичности могут быть конструктивными, деструктивными и дефицитарными, в зависимости от того, насколько созидательной была среда вокруг ребенка [1].

Также вводится понятие Self, отражающее целостность личности, ее психическое и биологическое единство. Self представляет собой регуляторный и стержневой компонент личности, он ответственен за поддержание аффективного равновесия, собственных ценностей, уверенности в себе. Self-система понимается как организованная система мира человека, в центре этой системы стоит его собственная личность [8]. Исходя из анализа теоретических публикаций, мы можем заключить, что идентичность выступает аналогом Self-системы.

Мы выдвинули предположение о существовании различий в структуре личности у лиц, совершивших насильственные преступления, и лиц, не нарушающих законы. Данное предположение конкретизировано в частных гипотезах для лиц, совершивших насильственные преступления, в сравнении с лицами, не совершавшими преступлений:

- у них более выражен, в первую очередь, деструктивный характер гуманфункций, а также их дефицитарный характер;
- для них в большей степени характерен тип реагирования на фрустрацию, проявляющийся в увеличении внешних обвинительных реакций и снижении фрустрационной толерантности;

- у них в большей степени присутствуют нарушения в функционировании Self-системы, чем у испытуемых контрольной группы.

Материалы и методы

Выборка исследования составила 60 мужчин в возрасте от 25 до 50 лет. В экспериментальную группу вошли 30 мужчин, заключенных ФКУ ИК-2 ГУФСИН по Новосибирской области, осужденных по ст. 105, 111 УК РФ (убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью соответственно), не имеющие высшего образования, не состоящие в браке, не имеющие детей.

Контрольную группу составили 30 мужчин того же возраста со сходными социодемографическими характеристиками, не нарушавших закон.

Респондентам из обеих групп предлагалось заполнить четыре методики:

- сокращенный вариант опросника Д. П. Кроуна и Д. А. Мароу «Шкала социальной желательности, включающий 20 утверждений. Русскоязычная версия стандартизирована, имеет хорошие показатели валидности и надежности [11];
- Я-структурный тест Г. Аммона (ISTA). Опросник состоит из 220 утверждений, которые оцениваются испытуемыми как верные или неверные по отношению к ним. 18 шкал объединены в 6 блоков. Каждый блок отражает деятельность одной из 6 центральных Я-функций, описываемых тремя шкалами, которые оценивают степень их развития: конструктивной, деструктивной и дефицитарной. В Санкт-Петербургском научно-исследовательском психоневрологическом институте имени В.М. Бехтерева получены данные о хорошей валидности и надежности методики [9];
- тест «Индекс функционирования Self-системы», авторы-составители: Н.М. Залуцкая, А.Я. Вукс, В.Д. Вид. Тест состоит из 163 утверждений, 18 шкал. Позволяет подсчитать нарциссический коэффициент и общий индекс функционирования Self-системы. В Санкт-Петербургском научно-исследовательском психоневрологическом институте имени В.М. Бехтерева получены данные о хорошей валидности и надежности методики [8].
- Тест рисуночной фрустрации С. Розенцвейга. Тест состоит из 24 рисунков с изображением различных фрустрирующих ситуаций. Испытуемому необходимо дать ответ, как бы отреагировал человек, которому на рисунке адресовано сообщение, в этой ситуации. Адаптация теста была проведена Н.В. Тарабариной [13].

Для обработки данных использовалась программа STATISTICA 10.0. Исследуемые показатели в группах сравнивали с помощью непараметрического U-критерия Манна—Уитни.

Результаты исследования и их обсуждение

На первом этапе рассматривалась социальная желательность участников исследования. Показатели шкалы социальной желательности в экспериментальной группе значимо выше, чем в контрольной (среднее контрольной группы — 5,7; среднее экспериментальной группы — 11,34). Для выявления возможных искажений результатов по остальным шкалам было проведено дополнительное сравнение результатов испытуемых, у которых по данной методике были высокие (от 10 и выше), и низкие (от 0 до 10) баллы. Ни по одной из шкал методик исследования значимых различий выявлено не было. Таким образом, мы предполагаем, что в целом социальная желательность не оказывает существенного влияния на полученные результаты.

Проверялось предположение о том, что у лиц, совершивших насильственные преступления, развитие гуманфункций носит преимущественно деструктивный характер, дефицитарный и менее всего конструктивный. При деструктивном развитии внутренних Я-отграничений контакты становятся формальными, эмоционально бедными, это может способствовать игнорированию личности другого человека; отрицание ее ценности и, как следствие, причинение тяжких телесных повреждений и даже убийство не будут нести значительной смысловой и эмоциональной нагрузки.

Действительно, согласно приведенным в табл. 1 результатам сравнения групп, значительное число различий между группами присутствует в области деструктивных гуманфункций (тревога, внешнее и внутреннее Я-отграничения, нарциссизм).

Таблица 1

Сравнение групп (1 — совершившие преступления, 2 — не совершавшие преступления) по методике «Я-структурный тест Аммона», U-критерий Манна—Уитни

Название шкал	Сумма рангов		U	p	Средние значения	
	1	2			1	2
Конструктивная агрессия	771,5	1058,5	306,5	0,034	8,56	10,16
Дефицитарная агрессия	1090,0	740,0	275,0	0,009	5,23	3,4
Конструктивная тревога	674,0	1156,0	209,0	0,000	6,16	8,9
Деструктивная тревога	1149,0	681,0	216,0	0,000	4,5	2
Конструктивное внешнее Я-отграничение	695,5	1134,5	230,5	0,001	6,26	8,2
Деструктивное внешнее Я-отграничение	1287,5	542,50	77,5	0,000	7,36	3,06
Конструктивное внутреннее Я-отграничение	569,0	1261,0	104,0	0,000	5,46	10,1
Деструктивное внутреннее Я-отграничение	1290,5	539,5	74,5	0,000	8,7	3,4
Конструктивный нарциссизм	663,0	1167,0	198,0	0,000	6,1	9,06
Деструктивный нарциссизм	1260,5	569,5	104,5	0,000	7,63	3,9
Дефицитарный нарциссизм	1106,	723,5	258,5	0,004	4,36	2,13

У лиц, совершивших преступления, в сравнении с лицами, не совершавших преступлений, наблюдаются более высокие показатели по шкале «деструктивное внешнее Я-отграничение». Так как данная Я-функция, совместно с Я-функцией «конструктивная агрессия», ответственна за установление взаимоотношений и их качество, ее развитие по деструктивному типу предполагает недоступность чувств окружающих, восприятие их как отдельной значимой личности, отсутствие эмоциональной включенности при взаимодействии.

Основная задача гуманфункции «внутреннее Я-отграничение» заключается в умении определять собственные чувства и эмоции, потребности, интегрировать свой опыт. Так как у совершивших преступления эта функция развита деструктивно, у них могут наблюдаться трудности в понимании собственных эмоций, потребностей. Если личность не способна определять свои внутренние процессы, дифференцировать их, то и понимание чувств другого человека будет крайне трудной задачей. Будет проявляться неспособность присоединиться к другому человеку эмоционально, что также может способствовать совершению преступления.

Другой важный аспект — функция «агрессия» у лиц, совершивших преступление, в большей степени дефицитарна, чем у контрольной группы. В соответствии с теорией, при дефи-

цитарной агрессии наблюдается отсутствие взаимодействия с окружающими, с духовными аспектами, уход в себя. Подобное развитие может сочетаться с нарушенными внешними / внутренними отграничениями и способствовать дезадаптации в социуме.

Значимо более высокие показатели по шкале «Деструктивный нарциссизм» говорит о неадекватном расширении внешних Я-границ, т. е. отсутствии учета границ другой личности. При деструктивном нарциссизме могут наблюдаться неадекватная самооценка, обиды, неспособность принимать критику в свой адрес. Таким образом, мы можем предположить, что у лиц, совершивших преступление, при возникновении конфликтной ситуации будет наблюдаться ее искаженное восприятие, критика может сильно «задеть», а в силу сложности различения собственных эмоций возможны неоправданно жестокие действия по отношению к оппоненту.

Согласно анализу теоретических публикаций, личностные особенности преступников включают стремление к немедленному удовлетворению спонтанно возникших желаний, примитивизм и цинизм [14; 24]. Характерно частое использование средств психологической самозащиты: самооправдание антисоциального поведения, переложение вины и ответственности на потерпевшего и внешние обстоятельства [6; 7; 17]. Опираясь на полученный материал, мы выдвинули предположение о том, что для экспериментальной группы, вследствие нарушения границ Я, характерны внешнеобвинительный тип реагирования и снижение фрустрационной толерантности. Значимые результаты сравнения групп по методике С. Розенцвейга представлены в табл. 2. Преобладание «эго-защитных» реакций, согласно теории С. Розенцвейга, указывает на то, что внешнее препятствие воспринимается опасным для личности в целом, т. е. грозит разрушить ее. Это свидетельствует о слабости Эго в целом и недостаточной сформированности принципа «реальности». Как следствие могут возникать неспособность отсрочить инстинктивные побуждения, обесценивание объективной ситуации, что также говорит о снижении фрустрационной толерантности.

Необходимо упомянуть, что повышение реакций «эго-защитного» характера наблюдается в форме агрессии и порицания других участников ситуации. Исходя из этого, мы можем предположить, что в ситуации фрустрации происходит немедленное удовлетворение потребности, игнорирование реальной ситуации и обвинение в произошедшем других участников.

Таблица 2

Значимые различия групп (1 — совершившие преступления, 2 — не совершавшие преступлений) по тесту рисуночной фрустрации С. Розенцвейга, U-критерий Манна—Уитни

Типы реакций	Сумма рангов		U	p
	1	2		
ED, реакции с фиксацией на самозащите	1086,00	744,00	279,00	0,011
E, экстрапунитивные реакции	1083,0	747,0	282,0	0,013
I, интропунитивные реакции	730,0	1100,0	265,0	0,006
$\bar{E}\bar{D}$, тенденция с фиксацией на самозащите	1066,0	764,0	299,0	0,026
GCR, коэффициент групповой конформности	498,0	1332,0	33,0	<0,001

Также мы предположили, что у испытуемых экспериментальной группы в большей степени, чем у испытуемых контрольной группы, будут отмечены нарушения в функционировании Self-системы.

Согласно теории, нарушение в одной из структур ведет к изменению функционирования Self в целом, так как все его элементы тесно связаны. Центральным симптомом нарушения функционирования Self-системы выступает чрезмерно завышенное либо, наоборот, заниженное чувство собственной ценности. Мы выдвинули предположение о том, что у испытуемых экспериментальной группы завышены чувство собственной ценности, оценка своих возможностей и сил, они испытывают собственную неотразимость и превосходство над остальными. Результаты проверки данного предположения представлены в табл. 3.

Восемь характеристик Self значимо различаются в группах по шкалам: грандиозное Self, стремление к идеальному Self-объекту, идеал самодостаточности, обесценивание объекта, ипохондрическая защита от тревоги, нарциссическая выгода от болезни. Также интегральные показатели — индекс функционирования Self-системы и нарциссический коэффициент значимо выше у лиц, совершивших преступление.

Все перечисленное является отражением нарушенных внутренних границ Я таким образом, что происходит их «расширение». В поведении это может проявляться как неспособность принимать критику в свой адрес; искаженное ее восприятие может вызывать аффективную вспышку агрессии и, как следствие, неоправданно жестокие действия. Эти факты согласуются с данными по тесту Г. Аммона, с характеристиками деструктивного нарциссизма.

Таблица 3

Значимые различия групп (1 — совершившие преступления, 2 — не совершавшие преступлений) по методике «Индекс функционирования Self-системы», U-критерий Манна—Уитни

Шкалы	Сумма рангов		U	p
	1	2		
9. Грандиозное Self	1102,5	727,5	262,5	0,006
10. Стремление к идеальному Self-объекту	1203,0	627,0	162,0	0,000
13. Идеал самодостаточности	1074,0	756,0	291,0	0,019
14. Обесценивание объекта	1123,0	707,0	242,0	0,002
17. Ипохондрическая защита от тревоги	1082,0	748,0	283,0	0,014
18. Нарциссическая выгода от болезни	1075,0	755,0	290,0	0,018
19. Индекс функционирования Self-системы	1264,0	565,5	100,5	0,000
20. Нарциссический коэффициент	1201,5	628,5	163,5	0,000

Завышенная собственная значимость может выступать защитой от реальных или мнимых обид, угрожающих нестабильности личности. Признаками этого выступают иллюзорные представления о собственном всемогуществе, отрицание границ собственных возможностей, за которыми стоит гиперкомпенсаторная жажда власти. Исходя из этого, мы предполагаем, что для испытуемых экспериментальной группы характерны снижение удовлетворенности собой, но вместе с тем поиск более сильного объекта, с которым можно идентифицироваться. Идентификация с таким объектом стимулирует слабую личность, позволяет разделять его могущество, компенсируя нарциссический дефицит. Стремление слабой личности присоединиться к сильной характерно в силу слабости собственного Эго. Можно предположить, что и иллюзорное всемогущество, и стремление к присоединению к «идеалу» выступают защитами для слабой личности, предохраняют от распада и серьезных потрясений.

Несмотря на стремление присоединиться к сильной личности, есть также попытки защититься от собственной настоящей или превосходящей слабости и от возможности оказаться в зависимости от потенциально ненадежного объекта, угрожающей последующим чувством беспомощности. Так как у слабой личности есть стремление к соучастию с сильной, она одновременно стремится избежать этого, чтобы сохранить себя от разрушительных воздействий последнего. Другой способ самозащиты — обесценивание окружающих, восприятие их как опасных либо разочаровывающих. За этим скрывается защита от нарциссического шока — быть униженным или отвергнутым тем объектом, от которого ожидается обратное поведение. Подобное искусственное обесценивание значимого объекта снижает зависимость слабой личности и ослабляет нарциссическую обиду (например: «Этот человек не может меня обидеть или унижить, потому что он ничего не стоит, он вообще не стоит того, чтобы от него что-то ожидать»). Также возникают проекции собственных деструктивных характеристик и тенденций на обесцениваемый объект (например: «Это не я агрессивный, это другие заслуживают такое отношение к себе»). Когда проекция зафиксировалась, деструктивное поведение слабой личности становится позволительным и оправдательным для нее самой (например: «В том, что произошло, нет моей вины, он сам достоин подобного обращения»). Таким образом, формируется замкнутый круг — личность создает разочаровывающие объекты, а затем вынуждена защищаться от них. Стратегия обесценивания возникает еще в раннем детстве, когда идеализируемый объект должен был быть «хорошим», но по каким-либо причинам не был им.

Следует отметить у лиц, совершивших преступление, увеличение таких показателей, как «ипохондрическая защита от тревоги» и «нарциссическая выгода от болезни», которое может указывать на существование у них «маски» обиженного, несчастного, пострадавшего; поведение оправдывается собственной позицией «жертвы».

Мы обнаружили нарушения в частных компонентах Self-системы: удовлетворение потребностей в уверенности/безопасности, в стабильной самооценке. Эти частные нарушения могут повлечь за собой нарушения работы всей системы, поскольку она является целостным образованием. Подобные нарушения проявляются в поведении как стремление дистанцироваться, отчужденность от чувств и эмоций, как своих, так и окружающих, аффективные вспышки агрессии в ответ на критику, преувеличение собственных возможностей и обесценивание других людей.

Выводы и заключение

Таким образом, сформулированные нами гипотезы подтвердились. Мужчины, совершившие тяжкие преступления, по сравнению с не совершавшими преступлений, характеризуются более деструктивным, дефицитарным и менее конструктивным характером гуманитарных функций. У них отмечается снижение фрустрационной толерантности, наблюдается внешнеобвинительный тип реагирования на фрустрирующие события, а функционирование Self-системы ближе к слабому типу. Особенности нарушений Self-системы и реакций на фрустрацию позволяют сделать общий вывод о повышении у них уровня притязаний, представлений о собственной ценности (желание быть значимым, самодостаточным) в сочетании с переносом ответственности на внешние факторы (фиксация на препятствиях, усиление ипохондрической защиты). В проблемных ситуациях, неудачах оказываются в большей степени «виноваты» внешние обстоятельства. Коррекционные воздействия должны быть направлены, в первую очередь, на возвращение ответственности, на формирование инструментальных спо-

Зайцева Д.В., Пушкина Т.П.,
Дорошева Е.А., Магденко О.В.
Исследование структуры личности мужчин, отбывающих
срок наказания за насильственные преступления
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 55–68.

Zaitseva D.V., Pushkina T.P.,
Dorosheva E.A., Magdenko O.V.
The Research of Personality Structure of Male
Prisoners Convicted for Violent Crimes
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 55–68.

собов, позволяющих достигать реальную, а не иллюзорную уверенность в себе. Полученные результаты согласуются и с рядом зарубежных исследований [24; 26].

Результаты исследования могут быть использованы психологами исправительных учреждений в работе с заключенными по указанным выше статьям: при составлении более подробных психологических заключений и прогнозировании поведения; при консультировании заключенных, если возникает подобная необходимость. Поскольку исследование направлено на изучение глубинных аспектов личности, оно может дать дополнительную информацию для психокоррекции: работа психолога может быть направлена на интеграцию Self, развитие конструктивных гуман-функций, обучение эффективным типам реагирования на фрустрирующие ситуации, увеличение толерантности к таким ситуациям. Также результаты исследования могут использоваться при работе с персоналом исправительного учреждения, а именно для консультирования по вопросам взаимодействия с заключенными, урегулирования конфликтных ситуаций между заключенными и охранным персоналом, урегулирования конфликтов между заключенными.

Литература

1. Аммон Г. Динамическая психиатрия в ракурсах времени: к столетию со дня рождения. М.: ИД Городец, 2019. 568 с.
2. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений. М.: Юристь, 1996. 336 с.
3. Антонян Ю.М., Эминов М. Личность преступника. Криминологическое исследование. М.: Норма; Инфра-М, 2010. 368 с.
4. Данные судебной статистики. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003—2007 годы и 2008—2020 годы. [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 15.12.2021).
5. Дворянчиков Н.В., Логунова О.А., Решетова Д.В. Взаимосвязь некоторых личностных особенностей и характеристик криминального поведения у серийных сексуальных убийц [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. Том 1. № 1. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n1/39334.shtml> (дата обращения: 18.12.2021).
6. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М.: РКА, 2003. 572 с.
7. Еникеев М.И. Юридическая психология. М.: Норма, 2005. 640 с.
8. Залуцкая Н.М., Вукс А.Я., Вид В.Д. Индекс функционирования Self-системы (на основе теста оценки нарциссизма). СПб: Изд-во Психоневрологического института имени В.М. Бехтерева, 2003. 47 с.
9. Кабанов М.М., Незнанов Н.Г. Очерки динамической психиатрии. Транскультуральное исследование. СПб: Изд-во Психоневрологического института имени В.М. Бехтерева, 2003. 438 с.
10. Показатели преступности России. Динамика [Электронный ресурс] // Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 15.12.2021).
11. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. М.: Бахрах-М, 2011. 635 с.
12. Сырейщиков Д.В. Рецидив и повторность в преступлениях, предусмотренных главой 30 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] // Академическая мысль.

Зайцева Д.В., Пушкина Т.П.,
Дорошева Е.А., Магденко О.В.
Исследование структуры личности мужчин, отбывающих
срок наказания за насильственные преступления
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 55–68.

Zaitseva D.V., Pushkina T.P.,
Dorosheva E.A., Magdenko O.V.
The Research of Personality Structure of Male
Prisoners Convicted for Violent Crimes
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 55–68.

2019. Том 9. № 4. С. 131–134. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/1730322> (дата обращения: 18.12.2021).

13. Яньшин П.В. Клиническая психодиагностика личности. СПб: Речь, 2007. 320 с.
14. Blackburn R. The Psychology of Criminal Conduct. Theory, Research and Practice. Liverpool: University of Liverpool and Ashworth Hospital, 1998. 630 p.
15. Voccio C.M., Beaver K.M. Psychopathic Personality Traits and the Risk for Personal Victimization // Journal of Interpersonal Violence. 2021. Vol. 36. P. 6981–7004. doi:10.1177/0886260518824658
16. Butorac K., Gracin D., Stanić N. The challenges in reducing criminal recidivism // Visuomenės saugumas ir viešoji tvarka. 2017. Vol. 18. P. 115–131.
17. Canter D. Forensic Psychology: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2010. 160 p.
18. Cazala F., Harenski K.A., Thornton D.M., Kiehl K.A., Harenski C.L. Neural Correlates of Moral Judgment in Criminal Offenders with Sadistic Traits // Archives of Sexual Behavior. 2021. Vol. 50(5). P. 2163–2171. doi:10.1007/s10508-020-01818-4
19. Fazel S. et al. Prediction of violent reoffending on release from prison: derivation and external validation of a scalable tool // The Lancet Psychiatry. 2016. Vol. 3(6). P. 535–543. doi:10.1016/S2215-0366(16)00103-6
20. Gabriel A. Nigeria and United States Prisons: A comparative Analysis of Mass Overcrowding // Journal of Forensic Psychology. 2018. Vol. 3(1). P. 1–6. doi:10.4172/2475-319X.1000129
21. Gibbon S., Khalifa N.R., Cheung N.H.-Y., Völlm B.A., McCarthy L. Psychological interventions for antisocial personality disorder // The Cochrane Database of Systematic Reviews. 2020. Vol. 9(9). doi:10.1002/14651858.CD007668.pub3
22. Martínez-López J.N.I., Medina-Mora M.E., Robles-García R., Madrigal E., Juárez F., Tovilla-Zarate C.A., Reyes C., Monroy N., Fresán A. Psychopathic Disorder Subtypes Based on Temperament and Character Differences. // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2019. Vol. 16(23). doi:10.3390/ijerph16234761
23. Nadesu A. Reconviction patterns of released prisoners: A 48-months follow-up analysis. Recidivism Report. Policy, Strategy and Research Department of Corrections, 2008 // New Zealand Government, Department of Corrections. URL: https://www.corrections.govt.nz/resources/research_and_statistics/reconviction-patterns-of-released-prisoners-a-48-months-follow-up-analysis/re-imprisonment-rates-first-timers-and-recidivists.html (дата обращения: 15.12.2021).
24. de Pádua Serafim A., de Barros D.M., Bonini Castellana G., Gorenstein C. Personality traits and violent behavior: a comparison between psychopathic and non-psychopathic male murderers // Psychiatry Research. 2014. Vol. 219(3). P. 604–608. doi:10.1016/j.psychres.2014.06.026
25. Ribeiro R.A.B., de Matos Soeiro C.B.B. Analysing criminal profiling validity: Underlying problems and future directions // The International Journal of Law and Psychiatry. 2021. Vol. 74. doi:10.1016/j.ijlp.2020.101670
26. Sinha S. Personality correlates of criminals: A comparative study between normal controls and criminals // Industrial Psychiatry Journal. 2016. Vol. 25(1). P. 41–46. doi:10.4103/0972-6748.196058
27. Tharshini N.K., Ibrahim F., Kamaluddin M.R., Rathakrishnan B., Che Mohd Nasir N. The Link between Individual Personality Traits and Criminality: A Systematic Review // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2021. Vol. 18(16). doi:10.3390/ijerph18168663

References

1. Ammon G. *Dinamicheskaya psikhatriya v rakursakh vremeni: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya*. Moscow: ID Gorodets, 2019. 568 p. (In Russ.).
2. Antonyan Yu.M., Enikeev M.I., Eminov V.E. *Psikhologiya prestupnika i rassledovaniya prestuplenii*. Moscow: Yurist, 1996. 336 p. (In Russ.).
3. Antonyan Yu.M., Eminov M. *Lichnost' prestupnika*. Kriminologo-psikhologicheskoe issledovanie. Moscow: Norma; Infra-M, 2010. 368 p. (In Russ.).
4. *Dannye sudebnoi statistiki. Osnovnye statisticheskie pokazateli sostoyaniya sudimosti v Rossii za 2003-2007 gody i 2008-2020 gody*. [Elektronnyi resurs]. *Sudebnyi departament pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii = Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation*. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (Accessed 15.12.2021). (In Russ.).
5. Dvoryanchikov N.V., Logunova O.A., Reshetova D.V. *Vzaimosvyaz' nekotorykh lichnostnykh osobennostei i kharakteristik kriminal'nogo povedeniya u seriinykh seksual'nykh ubiits* [Linking some personal peculiarities and characteristics of criminal behavior of serial sexual murderers] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2011. Vol. 1, no. 1. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n1/39334.shtml> (Accessed 18.12.2021). (In Russ.).
6. Dolgova A.I. *Prestupnost', ee organizovannost' i kriminal'noe obshchestvo*. Moscow: RKA Publ., 2003. 572 p. (In Russ.).
7. Enikeev M.I. *Yuridicheskaya psikhologiya*. Moscow: Norma, 2005. 640 p. (In Russ.).
8. Zalutskaya N.M., Vuks A.Ya., Vid V.D. *Indeks funktsionirovaniya Self-sistemy (na osnove testa otsenki nartsissizma)*. Saint Petersburg: Izd-vo Psikhonevrologicheskogo instituta imeni V.M. Bekhtereva, 2003. 47 p. (In Russ.).
9. Kabanov M.M., Neznanov N.G. *Ocherki dinamicheskoi psikhatrii*. Transkul'tural'noe issledovanie. Saint Petersburg: Izd-vo Psikhonevrologicheskogo instituta imeni V.M. Bekhtereva, 2003. 438 p. (In Russ.).
10. *Pokazateli prestupnosti Rossii. Dinamika* [Elektronnyi resurs]. *Portal pravovoi statistiki*. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (Accessed 15.12.2021). (In Russ.).
11. Raigorodskii D.Ya. *Prakticheskaya psikhodiagnostika*. Moscow: Bakhrakh-M, 2011. 635 p. (In Russ.).
12. Syreishchikov D.V. *Retsidiv i povtornost' v prestupleniyakh, predusmotrennykh glavoi 30 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii* [Recurrence and Repetition in Crimes Provided Chapter 30 of the Criminal Code of the Russian Federation] [Elektronnyi resurs]. *Akademicheskaya mysl' = Academic Thought*, 2019. Vol. 9, no. 4, pp. 131–134. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/1730322> (Accessed 18.12.2021). (In Russ.).
13. Yanjshin P.V. *Klinicheskaya psikhodiagnostika lichnosti*. Saint Petersburg: Rech', 2007. 320 p. (In Russ.).
14. Blackburn R. *The Psychology of Criminal Conduct. Theory, Research and Practice*. Liverpool: University of Liverpool and Ashworth Hospital, 1998. 630 p.
15. Boccio C.M., Beaver K.M. *Psychopathic Personality Traits and the Risk for Personal Victimization*. *Journal of Interpersonal Violence*, 2021. Vol. 36, pp. 6981–7004. doi:10.1177/0886260518824658
16. Butorac K., Gracin D., Stanić N. *The challenges in reducing criminal recidivism*. *Visuomenės saugumas ir viešoji tvarka*, 2017. Vol. 18, pp. 115–131.
17. Canter D. *Forensic Psychology: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2010. 160 p.

Зайцева Д.В., Пушкина Т.П.,
Дорошева Е.А., Магденко О.В.
Исследование структуры личности мужчин, отбывающих
срок наказания за насильственные преступления
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 55–68.

Zaitseva D.V., Pushkina T.P.,
Dorosheva E.A., Magdenko O.V.
The Research of Personality Structure of Male
Prisoners Convicted for Violent Crimes
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 55–68.

18. Cazala F., Harenski K.A., Thornton D.M., Kiehl K.A., Harenski C.L. Neural Correlates of Moral Judgment in Criminal Offenders with Sadistic Traits. *Archives of Sexual Behavior*, 2021. Vol. 50, no. 5, pp. 2163–2171. doi:10.1007/s10508-020-01818-4
19. Fazel S. et al. Prediction of violent reoffending on release from prison: derivation and external validation of a scalable tool. *The Lancet Psychiatry*, 2016. Vol. 3, no. 6, pp. 535–543. doi:10.1016/S2215-0366(16)00103-6
20. Gabriel A. Nigeria and United States Prisons: A comparative Analysis of Mass Overcrowding. *Journal of Forensic Psychology*, 2018. Vol. 3, no. 1, pp. 1–6. doi:10.4172/2475-319X.1000129
21. Gibbon S., Khalifa N.R., Cheung N.H.-Y., Völm B.A., McCarthy L. Psychological interventions for antisocial personality disorder. *The Cochrane Database of Systematic Reviews*, 2020. Vol. 9, no. 9. doi:10.1002/14651858.CD007668.pub3
22. Martínez-López J.N.I., Medina-Mora M.E., Robles-García R., Madrigal E., Juárez F., Tovilla-Zarate C.A., Reyes C., Monroy N., Fresán A. Psychopathic Disorder Subtypes Based on Temperament and Character Differences. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2019. Vol. 16, no. 23, doi:10.3390/ijerph16234761
23. Nadesu A. Reconviction patterns of released prisoners: A 48-months follow-up analysis. Recidivism Report. Policy, Strategy and Research Department of Corrections, 2008. *New Zealand Government, Department of Corrections*. URL: https://www.corrections.govt.nz/resources/research_and_statistics/reconviction-patterns-of-released-prisoners-a-48-months-follow-up-analysis/re-imprisonment-rates-first-timers-and-recidivists.html (Accessed: 15.12.2021).
24. de Pádua Serafim A., de Barros D.M., Bonini Castellana G., Gorenstein C. Personality traits and violent behavior: a comparison between psychopathic and non-psychopathic male murderers. *Psychiatry Research*, 2014. Vol. 219, no. 3, pp. 604–608. doi:10.1016/j.psychres.2014.06.026
25. Ribeiro R. A. B., de Matos Soeiro C. B. B. Analysing criminal profiling validity: Underlying problems and future directions. *The International Journal of Law and Psychiatry*, 2021. Vol. 74. doi:10.1016/j.ijlp.2020.101670
26. Sinha S. Personality correlates of criminals: A comparative study between normal controls and criminals. *Industrial Psychiatry Journal*, 2016. Vol. 25, no. 1, pp. 41–46. doi:10.4103/0972-6748.196058
27. Tharshini N.K., Ibrahim F., Kamaluddin M.R., Rathakrishnan B., Che Mohd Nasir N. The Link between Individual Personality Traits and Criminality: A Systematic Review. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2021. Vol. 18, no. 16. doi:10.3390/ijerph18168663

Информация об авторах

Зайцева Дарья Викторовна, аспирант, кафедра медицинской психологии и психофизиологии, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2517-9767>, e-mail: dashazaitseva.psy@gmail.com

Пушкина Татьяна Петровна, старший преподаватель, кафедра клинической психологии, Институт медицины и психологии В. Зельмана, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (НГУ), г. Новосибирск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-3289-6759>, e-mail: pushkina.nsk@gmail.com

Дорошева Елена Алексеевна, кандидат биологических наук, доцент, доцент, кафедра сравнительной психологии, Институт медицины и психологии В. Зельмана, Новосибирский нацио-

*Зайцева Д.В., Пушкина Т.П.,
Дорошева Е.А., Магденко О.В.*
Исследование структуры личности мужчин, отбывающих
срок наказания за насильственные преступления
Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 55–68.

*Zaitseva D.V., Pushkina T.P.,
Dorosheva E.A., Magdenko O.V.*
The Research of Personality Structure of Male
Prisoners Convicted for Violent Crimes
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 55–68.

нальный исследовательский государственный университет (НГУ); старший научный сотрудник, отдел клинической нейронауки, поведения и нейротехнологий, Научно-исследовательский институт нейронаук и медицины (НИИ нейронаук и медицины), г. Новосибирск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9593-4345>, e-mail: elena.dorosheva@mail.ru

Магденко Ольга Владиславовна, кандидат психологических наук, преподаватель, кафедра клинической психологии, Институт медицины и психологии В. Зельмана, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (НГУ), г. Новосибирск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8092-9722>, e-mail: olga_mag@academ.org

Information about the authors

Daria V. Zaitseva, Postgraduate Student, Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Faculty of Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2517-9767>, e-mail: dashazaitseva.psy@gmail.com

Tatiana P. Pushkina, Senior Lecturer, Department of Clinical Psychology, V. Zelman Institute of Medicine and Psychology, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3289-6759>, e-mail: pushkina.nsk@gmail.com

Elena A. Dorosheva, PhD in Biology, Docent, Associate Professor, Department of Comparative Psychology, V. Zelman Institute of Medicine and Psychology, Novosibirsk State University; Senior Researcher, Department of Clinical Neuroscience, Behavior and Neurotechnology, Research Institute of Neuroscience and Medicine, Novosibirsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9593-4345>, e-mail: elena.dorosheva@mail.ru

Olga V. Magdenko, PhD in Psychology, Lecturer, Department of Clinical Psychology, V. Zelman Institute of Medicine and Psychology, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8092-9722>, e-mail: olga_mag@academ.org

Получена 15.07.2021

Принята в печать 15.04.2022

Received 15.07.2021

Accepted 15.04.2022